

СЕТЕВАЯ ВОЙНА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Александр Гельевич Дугин

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЕВРАЗИЙСКОГО КОМИТЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ «ЕВРАЗИЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ»,
ДИРЕКТОР ФОНДА «ЦЕНТР ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ»

В середине 1990-х годов офисом реформирования ВС секретаря Минобороны США под управлением вице-адмирала Артура К. Сибровски (1942–2005 годы) и аналитиком Джоном Гарстка была разработана одна из последних версий «новой теории ведения войн» («emerging theory of war»)¹. Основы этой теории ее разработчики обобщили в документе «Внедрение сетевидного военного искусства»², опубликованном в 2005 году. Разработчики этой теории убеждены, что в ближайшем будущем она «если не заменит собой традиционную теорию войны, то существенно и необратимо качественно изменит ее»³.

Теория сетевидной войны основана на делении циклов человеческой истории на три фазы: аграрную, промышленную и информационную, каждой из которых соответствуют особые модели стратегии. Этим фазам (эпохам) строго соответствуют социологические понятия – преиндустриальная, индустриальная и постиндустриальная. Информационная эпоха – это период постиндустриальной, который устанавливается сегодня, когда развитые общества Запада (в первую очередь, США) переходят к качественно новой фазе. Теория сетевидных войн представляет собой модель военной стратегии в условиях постиндустриальной. Как модели новой экономики, основанные на информации и высоких технологиях, сегодня доказывают свое превосходство над традиционными капиталистическими и социалистическими моделями промышленной эпохи, так и сетевидные войны претендуют на качественное превосходство над прежними стратегическими

концепциями индустриальной эпохи (модерна). Теория сетевидных войн представляет собой перенос основных моментов постиндустриального подхода на сферу военной науки.

Ключевым для этой теории является термин «сеть». В современном американском языке, помимо существительного the network – «сеть», появился неологизм – глагол to network, что приблизительно переводится как «осетить», «охватить сетью», «внедрить сеть в», «подключить к сети». Смысл сети, сетевого принципа состоит в том, что главным элементом всей модели является обмен информацией с максимальным расширением форм производства этой информации, доступа к ней, ее распределения, обратной связи. «Сеть», по мнению теоретиков сетевых войн, представляет собой новое информационное пространство, в котором развертываются основные стратегические операции – как разведывательного, так и военного характера, а также их медийное, дипломатическое, экономическое и техническое обеспечение. «Сеть» в таком широком понимании включает в себя одновременно различные составляющие, которые ранее рассматривались строго раздельно. Боевые единицы, система связи, информационное обеспечение операции, формирование общественного мнения, дипломатические шаги, социальные процессы, разведка и контрразведка, этнопсихология, религиозная и коллективная психология, экономическое обеспечение, академическая наука, технические инновации и прочее – все это отныне видится как взаимосвязанные

¹ Alberts D., Garstka J., Stein F. Network Centric Warfare: Developing and Leveraging Informa-

tion Superiority. Wash., 1999 ; http://www.dodccrp.org/files/Alberts_NCW.pdf.

² The Implementation of Network-Centric Warfare // http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/transformation/oft_implementation_ncw.pdf (дата обращения 28.08.2010).

³ Ibid.

элементы единой сети, между которыми должен осуществляться постоянный информационный обмен.

Смысл военной реформы в рамках «новой теории войны» информационной эпохи состоит в одном: в создании мощной и всеобъемлющей глобальной сети, которая концептуально заменяет собой ранее существовавшие модели и концепции военной стратегии, интегрирует их в единую систему. В таких условиях война становится сетевым явлением, а военные действия – разновидностью сетевых процессов. Регулярная армия, все виды разведок, технические открытия и высокие технологии, журналистика и дипломатия, экономические процессы и социальные трансформации, гражданское население и кадровые военные, регулярные части и отдельные слабо оформленные группы – все это интегрируется в единую сеть, по которой циркулирует информация. Создание такой сети составляет сущность военной реформы ВС США.

Центральной задачей ведения всех «сетевых войн» является проведение «операции базовых эффектов» (ОБЭ, effects-based operations). ОБЭ определяются военными теоретиками сетевых войн как «совокупность действий, направленных на формирование модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризиса и войны»⁴. Эта концепция была детально разработана Э. Смитом⁵.

ОБЭ означают заведомое установление полного и абсолютного контроля надо всеми участниками актуальных или возможных боевых действий и тотальное манипулирование ими во всех ситуациях – и тогда, когда война ведется, и тогда, когда она назревает, и тогда, когда царит мир. В этом вся суть «сетевой войны»: она не имеет начала и конца, ведется постоянно, и ее цель состоит в обеспечении тем, кто ее ведет, способности всестороннего управления всеми действующими силами человечества. Это означает, что внедрение «сети» представляет собой лишение стран, народов, армий и правительств мира какой бы то ни было самостоятельности, суверенности и субъектности, превращение их в жестко управляемые, запрограммированные механизмы. За скромной «технической» аббревиатурой ОБЭ стоит план прямого планетарного контроля, мирового господства нового типа, когда управлению подлежат не отдельные субъекты, а их содержание, их мотивации, действия, намерения и т.д. Это проект глобальной манипуляции.

Задачей ОБЭ является формирование структуры поведения не только друзей, но и нейтральных сил и врагов, то есть и враги, и занимающие нейтральную позицию силы, по сути, заведомо подчиняются навязанному сценарию, действуют не по своей воле, но по воле тех, кто осуществляет ОБЭ – то есть США. Если враги, друзья и нейтральные силы в любом случае делают именно то, чего хотят от них американцы, они превращаются в управляемых (манипулируемых) марионеток заведомо, еще до того момента, когда следует окончательное пора-

жение. Это выигрыш битвы до ее начала. ОБЭ в равной мере применяются в период военных действий, в моменты кризиса и в периоды мира, что подчеркивает тотальный характер сетевых войн: они запускаются не только в момент напряженного противостояния и в отношении противников, как классические войны промышленного периода, но и в периоды мира и в отношении союзников или нейтральных сил. Цель сетевых войн – ОБЭ, а цель ОБЭ – абсолютный контроль надо всеми участниками исторического процесса в мировом масштабе.

На появление первых концепций «сетевых войн» повлияли изменения в разных секторах американского общества – в экономике, бизнесе, технологиях и т.д. Можно выделить три направления трансформаций, которые легли в основу этих концепций:

- перенос внимания от концепта «платформы» к «сети»;
- переход от рассмотрения отдельных субъектов (единиц) к рассмотрению их как части непрерывно адаптирующейся экосистемы;
- важность осуществления стратегического выбора в условиях адаптации и выживания в изменяющихся экосистемах⁶.

В военно-стратегическом смысле это означает:

- переход от отдельных единиц (солдат, батальонов, частей, огневых точек, боевых единиц и т.д.) к обобщающим системам;
- рассмотрение военных операций в широком информационном, социальном, ландшафтном и иных контекстах;
- повышение скорости принятия решений и мгновенную обратную связь, влияющую на процесс во время ведения военных операций или подготовки к ним⁷.

Целью перехода к сетевым военным моделям являются:

- обеспечение наличия союзников и друзей;
- внушение всем мысли о бессмысленности военной конкуренции с США и об отказе от нее;
- предупреждение угроз и агрессивных действий против США;
- быстрая и решительная победа над противником⁸.

А достигаться это должно через конкретные преимущества, которые дает сетевой подход:

- лучшую синхронизацию событий и их последствий на поле боя;
- достижение большей скорости передачи команд;
- повышение количества жертв среди противников, сокращение жертв среди собственных войск и рост личной ответственности военных во время проведения военной операции и подготовки к ней⁹.

В первую очередь следует сражаться за информационное превосходство, для чего необходимо:

- искусственно увеличивать потребность противника в информации и одновременно сокращать для него доступ к ней;

⁴ См. Smith Edward A. Jr. Effects-based Operations. Applying Network-centric Warfare

in Peace, Crisis and War. Wash., 2002.

⁵ Ibid.

⁶ The Implementation of Network-Centric Warfare. Op. cit.

⁷ Ibid

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

- обеспечивать широкий доступ к информации для своих через сетевые механизмы и инструменты обратной связи, надежно защитив их от внедрения противника;
- сокращать собственную потребность в статичной информации через обеспечение доступа к широкому спектру оперативного и динамичного информирования¹⁰.

Теория сетевых войн не апеллирует напрямую к геополитике, но построена на принципе укрепления и обеспечения стратегического доминирования США в условиях глобализации и глобального мира в принципиально новой «постморской» среде – сетевой и информационной. То, что у социолога М. Кастельса описано в нейтральных терминах как «пространство потоков», «глобальный город» и «информационизм», в военно-стратегическом мышлении американских военных превращается в оружие нового поколения, поскольку само существование глобальной сети они совершенно справедливо оценивают как фундаментальный исторический успех и залог мирового контроля США.

Цветные революции, события августа 2008 года являются элементами глобальной сетевой войны, которая ведется против России. Электронная война во время боевых действий в Северной Осетии, кибер-атаки, спутниковые системы слежения и зондирования – все это звенья единой цепи доктрины Пентагона, названной «Полный спектр доминирования». В то время как США пытаются убедить руководство России продолжать разрушение, Вашингтон и его сателлиты продолжают разрабатывать новые виды вооружений, в том числе неконвенциональные, тестируя их в различных локальных конфликтах, анализируя плюсы и минусы новейших разработок и стимулируя в дальнейшем свой ВПК. В то время как в России разрушается оборонно-промышленный потенциал, традиционные ее оппоненты в лице стран НАТО осваивают российский рынок, что в перспективе поставит отечественные вооруженные силы в технологическую и материальную зависимость.

Проблема во многом состоит в том, что Россия де-факто остается в фарватере строителей однополярного мира и глобализации.

Сам глобальный мир является следствием небывалого исторического успеха «цивилизации Моря». Используя историческую метафору, это можно уподобить тому, как если Третью Пуническую войну выиграла карфагеняне, захватили Рим, объединили бы под своим могуществом все Средиземноморье и европейская история пошла бы по совершенно иному пути. Глобализм, мондиализм и глобализация обладают прозрачной геополитической природой: это идеология Левиафана, воплощаемая в жизнь.

Глобализм есть явление идеологическое. Как и любая идеология, глобализм структурируется по степени глубины вовлеченности в него:

- существует идеологическое ядро (мондиализм), которое прекрасно осознает принципы и цели глобализации, продвигает их в жизнь и несет за них историческую ответственность;
- есть промежуточный слой тех, для кого в целом глобализация симпатична и приемлема и кто старается в меру сил ее поддержать и продвинуть;
- есть гораздо более широкая прослойка людей, которая воспринимает глобализацию как нечто стихийное и само собой разумеющееся и поэтому, не ставя ее под сомнение, движется по ее течению;
- и есть огромные массы вообще не осознающие, что с ними происходит в настоящий исторический период, податливые или сопротивляющиеся глобализации в силу пассивности и инерции.

Также глобализация есть явление социологическое, поскольку формат общества существенно меняется в сторону парадигмы морского общества. Социальное пространство становится все более и более «ликвидным», «текучим» («пространство потоков»), непостоянным, меняющимся. Растет скорость информационного обмена. Пространство приобретает все более прозрачное и пронизываемое качество, трение сокращается. Это находит выражение в развитии IT-среды, где процессы протекают мгновенно. Новое общество обладает свойствами «цивилизации Моря», но доведенными до их высшей концентрации.

И глобализация влечет за собой постгеополитику. В условиях маргинализации и фрагментации «Суши» как второго (или первого – если учитывать историческую последовательность) базового геополитического принципа на место классической геополитики приходит ее новая версия – постгеополитика, которая выражает себя в разнообразных формах, часто «пародирующих» собственно геополитические методы или использующих геополитическую терминологию в неподходящем контексте. Постгеополитика может быть названа «постмодернистским симулякром» геополитики.

Эти выводы вытекают из объективного и нейтрального анализа явления глобализации, развертывающегося на наших глазах. И сегодняшняя претензия «цивилизации Моря» на глобальность, триумф и «конец истории» не содержит ничего принципиально нового. И в имперский, и в колониальный периоды Запад не сомневался, что обладает монополией на абсолютную и историческую истину, в чем бы она ни состояла – в догматике, сомнении или свободе.

Следовательно, несмотря на весь плотный и внушительный гипноз глобализации и ее самооценок, и даже ее критики, проистекающей из самого Запада и несущей на себе все следы его базовой парадигмы, мы можем взглянуть на глобализацию радикально иначе – на основании «геополитики Суши», вопреки утверждению современной западной цивилизации, что «с Сушей покончено» и «конец Евразии» наступил.

¹⁰ The Implementation of Network-Centric Warfare. Op. cit.

Если принять как рабочую гипотезу, что это утверждение слишком поспешно, что «конец Евразии» пока не наступил, что современный Heartland (в лице Российской Федерации) еще не является зоной полностью подконтрольной центру глобального мира, еще не подвергся десоверенизации, прямой оккупации или установлению внешнего управления, и если мы суммируем «с позиции Суши» все те тенденции в мире, которые демонстрируют (в разных формах и с разной степенью интенсивности) волю к отторжению глобализации, мы сможем выстроить альтернативную геополитическую модель, определить ее принципы, перспективы и методы.

Так мы получим геополитику многополярного мира – мира, которого пока нет, но который вполне может быть.

Для этого необходимо развивать существующие институты многополярности и создавать новые. Существующими являются ШОС, усиливающаяся за счет вхождения Индии, Пакистана, Ирана, Афганистана и Монголии. А также БРИК. Важно участие России в АСЕАН и в Исламской конференции. Надо

превращать эти организации постепенно в военно-стратегические блоки, гарантирующие региональную безопасность без вмешательства третьей силы (США, глобалистов, НАТО). С Европой надо стремиться создать особый стратегический оборонный энергетический и социокультурный альянс. Ось Москва – Брюссель должна быть приоритетной. Надо способствовать формированию у Евросоюза собственных вооруженных сил и самостоятельного ядерного потенциала. Для интеграции евразийского пространства надо развивать и укреплять ОДКБ, ЕвразЭС, ЕЭП и т.д. Следует восстановить отношения с Ираном и тесные контакты с Белоруссией. Необходимо укреплять цивилизационную идентичность России, строить гармоничное общество на основе традиционных ценностей и технологического рывка. Если Россия утратит идентичность, то модернизация будет бесполезна. Если Россия не будет технологически развиваться, она утратит свою свободу и развалится. Надо одновременно работать в двух направлениях: укрепление идентичности, консерватизм и активное технологическое развитие, модернизация.